

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ.

Бессменный председатель Исполкома Коммунистического Интернационала.

Фото-портрет для „Огонька“ Отто Шмидта.

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, Благородный пер., 3. Тел. 4-80-08, 86-77. ЭКСПЕДИЦИЯ В Дмитр., 7, кв. 57. Тел. 41-38. Телеграф. адрес: „Москва ОГОНЕК“. Тариф объявл.: 1 стр.—40 черв., 1/2 стр.—20 черв., 1/4 стр.—10 черв., 1 строка попл. в 1 кол.—80 черв. коп. На обложке—на 50%, дорожке. Среди текста в 2 раза дор. Сверхтарифа—15%, налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 11—5 ч.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на один месяц—1 руб. 7 черв. руб. Допускается расписка в 2 срока (до 1 янв. 4 руб. и до 1 июля 3 руб.) и в 3 срока (до 1 янв. 3 руб., до 1 марта 2 руб. и до 1 июня 2 руб.). За границей на 1 мес.—1/2 доллара, 1 кв.—18 цент или в переводе на соотв. месг. валюту. Подписка на „Огонек“ принимается во всех почт.-телегр. учреждениях и во всех отделениях и агентствах Губбанка.

К и е в

Владимира Маяковского

Лапы елок,
лапки,
лапушки.
Все в снегу,
а теплые какие!
Будто в гости
к старой,
старой бабушке

И
вчера
приехал в Киев.
Вот стою
на горке,
на Владимирской.
Ширь—во-всю—
не вымчатъ и перу!

Так
когда-то
рассиявшись в выморозки
Киевскую
Русь
оглядывал Перун.

А потом,
когда
и кто,
не помню толком.
Только знаю,
что сюда вот
по льду
Да и по воде
в порогах,
волоком,—

Шли
с дарами
Диру и Аскольду.

Дальше
было солнце
купалам Р литабры.
На коленях, Русь!
Согнись и стой!

До сегодня
нас
Владимир гонит в лавры.
Плеть креста
сжимает
каменный святой.

Шли
из мест,
таких, которых нету глуше.
Прадеды,
прапрадеды
и пра-пра-пра...

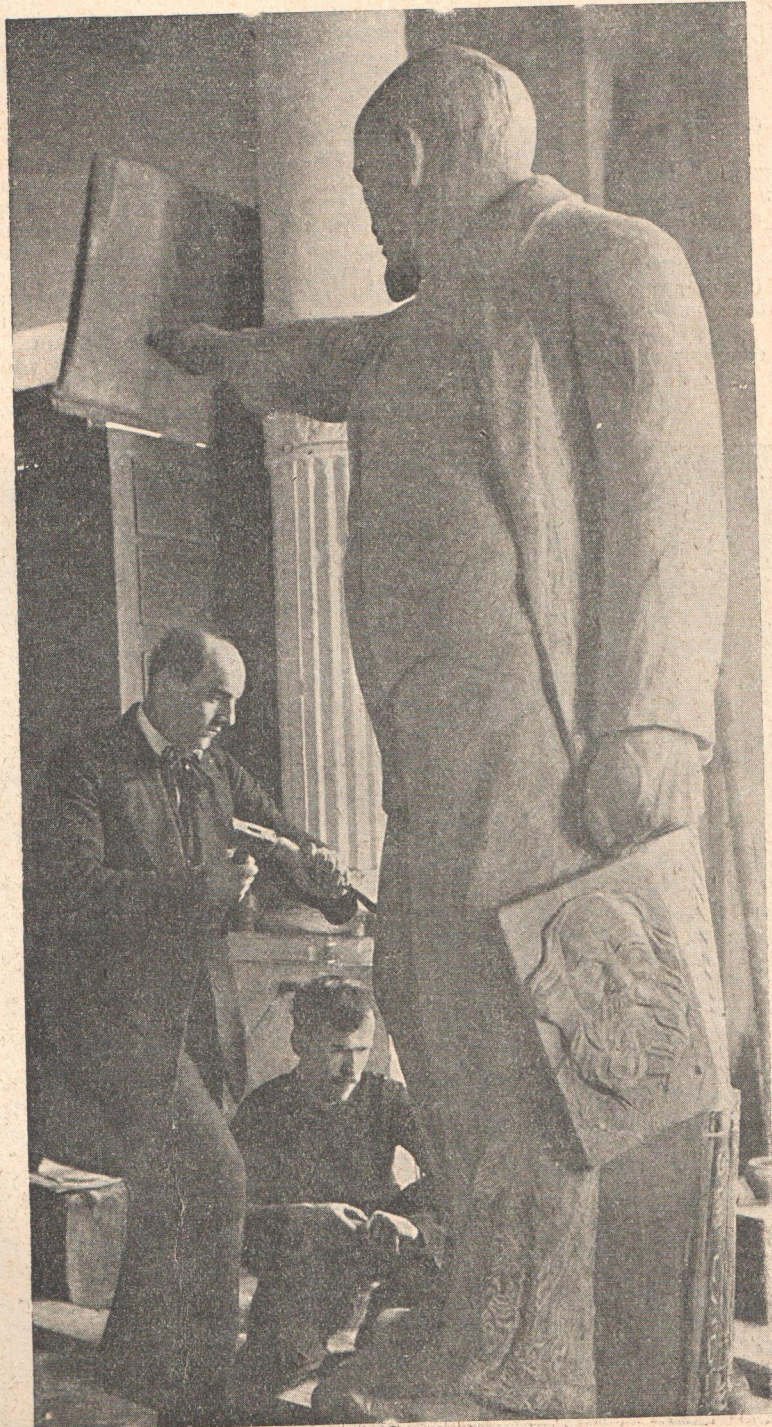
Много
всяческих
кровавых безделушек,
Здесь у бабушки
моей
по берегам Днепра.
Был убит
и снова встал Столыпин.
Памятником встал—
вложивши пальцы в китель.

Снова был убит
и вновь
дрожали липы
От пальбы
двенадцати правительств.
А теперь
встают

с Подола
дымы
Киевская грудь
гудит
котлами грета.
Не святой уже
другой

ПАМЯТНИК В. И. ЛЕНИНУ.

Фот.
Н. Петрова.

земной Владимир
Крестит нас
железом и огнем декретов.
Даже чуть
зарусофильствовал
от этой шири!
Русофильство—
да другого сорта.
Нет
моя
рабочая страна
одна
в огромном мире.
— Эй!
Пуанкаре,
возьми нас!?,
Чорта!
Пусть еще
последний,
старый батька,
Солрогает
плачем
лавры звонницы.
Пусть
еще
врезается с Крещатика
Волчий вой
«даю—беру червонцы!»
Наша сила—
правда,
ваша—
лаверги звоны.
Ваша—
«ым кадилный,
наша—
фабрик дым.
Наша мощь—
червонец.
Наша
стыг червонный.
Мы возьмем
займем
и победим.
Здравствуй—
и прощай седая бабушка.
Уходи с пути!
скорее!
ну-ка!
Умирай старуха,
сплуклянтка,
набожка!
Мы идем—
ватага юных бнуков!

Памятник, сделанный из дерева ясень, работы скульптора Жураковского. Слева—скульптор Жураковский.

Владимир Маяковский.

Здание Исполкома Коминтерна на Моховой улице, у Троицких ворот Кремля.

В доме Коминтерна

Очерк М. Торловского. Снимки Отто Шмидта.

1848 год. Маркс: «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Годы послеоктябрьские. Призрак уже не один. В каждой стране, в каждой части света он имеет себе подобных, а так как происхождения они не божественного, а сатанинского, то подобно бесам имеют свою собственную Лысую Гору (адрес для телеграмм: Москва, коминтерн. Можно прибавить Моховая).

На эту гору слетаются для ежегодных бдений, а кроме того держат на ней своих постоянных дежурных.

Что же это за место? С виду как будто ничего. Просто пятиэтажный дом, несуклобе построенный и выбеленный. Главный его фасад обращен на Восток. Не в интересах ли паложения лапы на Британскую Индию? Нет, дом старый и воздвигнут без участия Коминтерна.

Дом стал у самого входа в Кремль и, посторонясь как вежливый иностранец, смотрит на суетливые потоки людей, циркулирующие по Троицкому мосту, главной артерии в сердце сердца советской страны. Вокруг пульсируют улицы. Слева трамвай

и студенты. Справа Кремлевские антенны. Прямо напротив—автомобильный муравейник (центральный гараж). И здесь дом Коминтерна. Фанерный лист на месте выбитого стекла в его низенькой двери—это символ бивуачной жизни нашего экзотического постояльца.

Американские ботинки, шерстяные обмотки, короткие штанишки, ковбойские шляпы. Впрочем, можете одеться как угодно. С вами все равно заговорят по-немецки. И благодарите, если с вами не заговорят по-корейски. Потому что в этом необычно-

В Исполкоме. Представитель Англии тов. Стюарт (слева) и представитель Америки тов. Амтер (справа).

не за того, кого в вас привыкли видеть ваши старые родители. Но вежливость там соблюдается на всех языках. В восточном отделе она имеет томный библейский оттенок. Так вежливы китаец, индус, аннамит, перс.

На половине романских стран с вами вежливы по-иному. Там искрятся французские улыбки и блещут ослепительные зубы итальянцев. Комнаты англосаксов пропитаны приветливостью здорового бокса и интимностью дружеской трубки со сладким кепстенем.

У представителей народов славянских вы услышите приветствия на непонятных языках, которые вместе с тем покажутся вам необычайно знакомыми. Как будто голос близкого человека, доносящийся из-за стенки.

Вас будут называть самыми разнообразными именами. Для одних вы «товарищ», для других «геноссе», для третьих «другар», для четвертых «камерад» и т. п.

Мраморы лестниц, изъеденные подошвами ног, ведут в непревзентабельные антерьеры с длинными корридорами казарменного вида и замкнутыми в себе комнатусиками. Притягательны комнатки, на дверях которых висят ярлыки, напоминающие о фиордах Норвегии, о дамбах Голландии, о цирках Испании, о виноградниках Италии, о змеях Индии, о сфинксах Египта, о горах Абиссинии. Двери приоткрыты везде. Везде надо стучаться. Поэтому в корридорах тихо и академично. Все это вместе взятое похоже на улей, в каждой ячейке которого, прихлопнутой восковою крышечкой, зреет и наливаются новая жизнь, индивидуально-самобытная, но и родственная каждой соседней жизни. Это секции Коминтерна.

Страны, народы, язык — весь курс географии плюс этнография.

Сядьте в мягкой читальной, пожмите руку Нгуэн-Ай-Кваку, скажите «bonjour» француззу и сделайте комплимент англи-

чанке — земля вам покажется милой и уютной планеткой, и вы с ужасом подумаете о том, что есть еще люди, составляющие проекты захвата колоний, мировой войны и т. д.

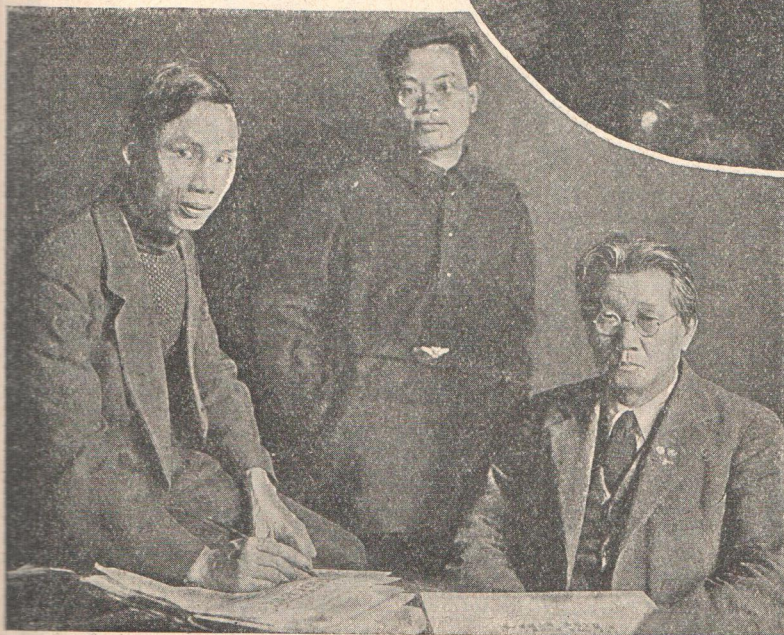
В доме Коминтерна есть люди признаков национальных, о которых скажешь: вот турок, а вот испанец, и есть люди интернациональной мерки. О них скажешь: вот Радек, а вот Бухарин. Когда видишь Коларова, не сразу думаешь — вот представитель Болгарии. Прежде всего — генеральный секретарь Коминтерна.

Бухарин... Не пыхтят автомобили, не бегут в перегонки лифты, не докладывают один другому дюжины секретарей. К Бухарину вход напрямик — у двери вас встречает вместо личного секретаря личная бухаринская улыбка.

Радек. Энергичные сапоги, напоминающие, что место действия Россия. Очки, твердящие про Америку. Диккенсовская трубка. Голландские баки. Неповторимое, единственное в мире коммунистическое эсперанто — радековский жаргон.

Под экватором есть страна Аннам. Оттуда приехал голец. Этому человеку джунгли Киплинга понятны не меньше, чем Германия Шиллера немцам и чеховская Россия «Художественикам». В тридцатиградусный мороз человек из-под экватора хоронил Ленина и отморозил себе руки. Отморозил. Больше ничего.

М. Тарловский.

Наверху: одна из комнат отдела печати Коминтерна. Первый слева — заведующий отделом печати тов. Крепе. Второй слева — редактор французского отдела тов. Паскаль. Посередине: генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, вождь болгарского революционного движения Василь Коларов (справа) беседует в своем кабинете с референтом болгарской секции Коминтерна тов. Сапуновым (слева). Наверху: представители Дальнего Востока. Слева налево — представитель Японии, член Исполкома и президиума Коминтерна, Сен Катаяма; представитель китайской революционной молодежи т. Чан-Талеи; представитель колониальных стран Франции Нгуэн-Ай-Квак (из Индо-Китая). Направо: член Исполкома и президиума Коминтерна, представитель Италии, тов. Терраччини.

Ветераны революции о феврале

„Огоньку“

Л. Г. Дейч.

А. В. Якимова-Диковская.

ка. присягнувшего революционному народу. Незабываемое время...

Сейчас А. В.—68 лет. Живет она в Москве, в одном из общежитий общества бывших политкаторжан. Выглядит совершенно бодрой женщиной.

М. Ф. Фроленко.

Фроленко—один из старейших ветеранов русского революционного движения—не смотря на то, что перенесенную серьезную болезнь, выглядит довольно хорошо. В данное время М. Ф. находится в доме отдыха «Ильича». Ему сейчас 75 лет. О февральских днях он рассказывает следующее:

— После своего освобождения и целого ряда переездов я, наконец, оказался в Геленджике, недалеко от Новороссийска—одного из тех мест, где мне, за исключением крупных центров, позволено было тогдашним правительством поселиться.

Работаю я как-то в огороде. Смотрю,— бежит ко мне знакомый и кричит: «Бросайте работу, к вам идет народ» (Наша дача была в двух верстах от города).— «Зачем», — спрашиваю. — «Революция... Поздравляю»...

— Гляжу, на горизонте показались уже мальчишки, часть которых бросилась ко мне через ограду, местами поломав даже ее. Вышел наружу. Тут и взрослые подошли. Шумят, приветствуют.. Выставили столы, заставили и меня взлезть на стол и речь держать.

Чеподалеку

Анна Васильевна Якимова-Диковская после отбытия 17 лет каторги, полученной за организацию поджога для покушения на царя в 1881 г. на Малой Садовой ул. в Петербурге (А. В. держала сырную лавочку, из которой сооружался поджог), во время февральской революции находилась в Чите.

— Трудно было поверить, говорит А. В., первым сообщениям из далекого Питера... Впечатление было очень сильное. Помню, как несмотря на весеннюю непогоду, шлепая наскоро обутыми ногами по лужам улиц, я неслась по городу—делиться радостной вестью со своими друзьями. А из глаз невольно катились слезы радости. Вспоминаю еще день 10 марта—объявленный в Чите днем празднования победы над самодержавием. Демонстрация, устроенная читинцами, была невиданная в этом городе до тех пор. И, как отдельный, характерный момент, припоминаю: стоящего на коленях посреди площади инспектора главного тюремного управления Гольш-

Известие о разразившейся в России революции застало меня в Лондоне, на обратном пути из Нью-Йорка. В течение нескольких дней перед этим телеграф не сообщал о России никаких сведений. Мы предполагали, что в Петрограде что-то произошло, но что именно—никто не знал. Некоторым, и мне в том числе, казалось, что в Петрограде произошла стачка.

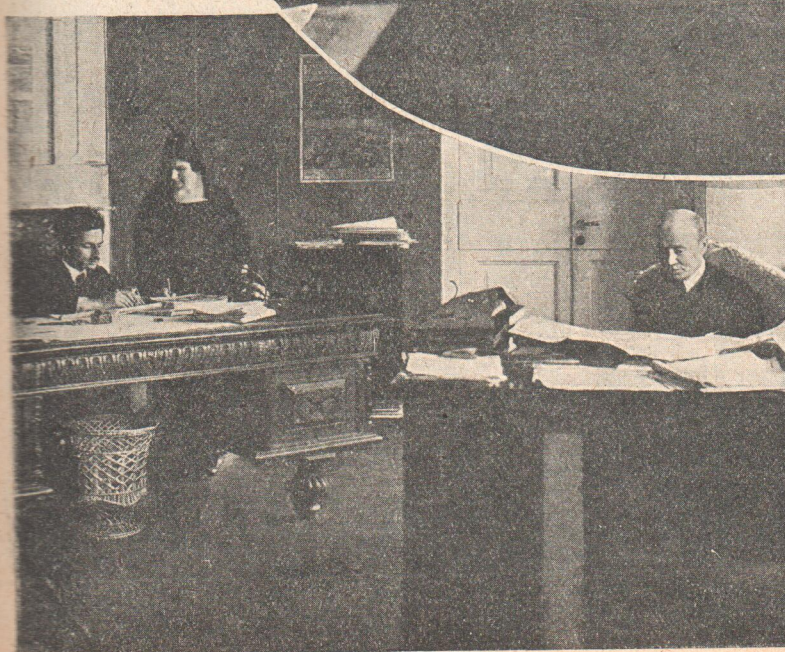
Я жил в пансионе, в котором находились только англичане. Однажды утром ко мне постучался один из живших в этом же пансионе англичан и, когда я ему предложил войти, он сразу воскликнул: «У вас произошла революция. Царь отрекся от престола. Образовано временное правительство,— вот газета».

Меня и близких мне из эмигрантов лиц, конечно, это сообщение чрезвычайно обрадовало. Мы набрасывались на английские газеты, которые были переполнены подробными телеграфными сообщениями как о разразившейся революции, так и относительно первых дней после ее торжества.

Так длилось несколько дней, пока я, вследствие подводной войны, объявленной Германией, не мог выбраться в Петроград, куда, понятно, я стремился всеми силами. Только в конце марта, т. е. спустя месяц после переворота, мне и еще нескольким эмигрантам, удалось отправиться в путешествие на военном судне, подвергаясь риску быть взорванными подводной лодкой, подобно Карповичу.

Пятилетие Коминтерна

Фот. Отто Шмидта.

Наверху: читальный зал при библиотеке Коминтерна. Слева: редакция журнала «Коммунистический Интернационал». Справа—член редакционной комиссии. Снизу: секретарь редакции тов. Тивель. Направо: письменный стол и часть кабинета Г.Е. Зиновьева.

жили и солдаты, сразу же приветственно отнеслись к революции. Вытащили и они столы и присоединились к нам. Началось угощение.

В. Ф. Горин-Галкин.

Старый народо-волец, один из первых большевиков, личный друг и помощник Ильича на II партийном съезде, В. Ф. Горин-Галкин выглядит гораздо моложе своих 63 лет. Революция застала его за границей, в Париже, куда он приехал после упомянутого II съезда большевиков-эмигрантов...

— Но, — говорит В. Ф., — хотя мы и ожидали эту революцию, тем не менее она нас несколько не удивила, как не удивила бы, вообще, никакая самая благоприятная революция или самая жестокая контр-революция. Мы так ярко видим будущее осво-

божденного человечества, что никаким самым мрачным картинам настоящего не разочаровать нас в нашей вере в грядущую полную победу. Наоборот, контр-революция, начавшаяся с войной, произвела, по крайней мере на меня, гораздо более сильное впечатление и явилась более неожиданной, как и тот неожиданный перелом, произошедший среди вождей II Интернационала в лице его левой фракции с Каутским во главе.

Е. Н. Ковальская.

Елизавета Николаевна Ковальская отбыла 23 года каторги и затем, благодаря фиктивному браку с австрийским подданным, оказавшаяся за границей.

— О февральской революции, — говорит Е. Н., — я узнала, во время своего пребывания во Франции, из газет. Надо ли описывать восторг, который охватил меня, как вероятно и всех других, едва ли мечтавших дожить до радостной минуты свержения ненавистного самодержавия?! После первых всплесков радости у меня возникли многочисленные споры с товарищами по эмиграции, гдавшими во что выльется эта революция. Одни утверждали, что Россия будет конституционной монархией, другие мирились на такой республике «вроде французской» и т. д. Я же с первого слова безотговорочно утверждала, что если в России произошла революция, то она перейдет в социальную, что и случилось,

Первое заседание Совета солдатских депутатов в Таврическом Дворце (б. Государственной Думе).

как видите. Вель я убежденная максималистка, — заканчивает Е. Н. эту часть своего воспоминания. — Надо было видеть расте-

рянность французских буржуа, никак уже не предполагавших, что «дикая» — по их мнению — Россия, опередит их, считавших

как видите. Вель я убежденная максималистка, — заканчивает Е. Н. эту часть своего воспоминания. — Надо было видеть расте-

7-ая годовщина февральской революции

Музей Революции.

Къ населенію Петрограда и Россіи. Отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Старая власть довела страну до полного развала, а народъ до голоданія. Терпѣть дальше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Въмѣсто хлѣба царское правительство дало народу свинець.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ правительства. Въмѣсть съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ правительственныхъ учреждений.

Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершения борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера 27 февраля въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ — изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и социалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ засѣдающій въ Государственной Думѣ ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно слотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ въмѣсть, общими силами будемъ бороться за полное устраненіе стараго правительства и созывъ учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

дой своих идей за границей. Сейчас живет в доме отдыха ветеранов Революции.

М. М. Чернявский.

М. М. Чернявскому сейчас 68 лет. Он — убежденный сединой старик. Революция его застала на службе в Земском союзе под чужой фамилией (М. М. Чернявский — народник, был осужден за демонстрацию 6 декабря 1876 г. на 15 лет каторги).

— С жадностью ловил все доносившиеся из тогдашнего Петрограда вести. Неустанно следил за лихорадочно развивавшимися событиями. Февральская революция была назревшей и считалась нами неизбежной уже с конца 16-го года — и иначе не могла произойти, как только во время войны.

Инициативная группа по организации первого легального Ленинградского К-га большевиков. Стоят: А. Г. Шляпников, Антвлов, К. Шутко, Стучка, Сидит: Ина Шутко, М. И. Калинин, В. Шмидт, К. Орлов, В. Н. Залеский.

себя только и способными на то, чтобы делать революции. И что же: произошло по выражению известного французского историка Оллар то, что революция, на которую Франция понадеялась десятилетия, в «дикий России» произошла в несколько дней.

Е. Н. в заключении дает чрезвычайно интересную справку о своем прошлом: она была приговорена к смертной казни за организацию Южно-Русского рабочего союза (1881 года) вместе с А. Преображенским и Н. К. Щедриным. Последний — единственный за все известное ей революционное время — был дважды в течение одного года приговорен к смертной казни — первый раз вместе с нею, а вторично, после помилования, за то, что дал «попечнику пом. губернатора, засадившему после революции, во время своего изгнания Е. Н. занималась пропагандой».

Дневник Николая II

Очерк Ил. Полтавского

Ну, конечно, это писал иностранец! «Я мылся в своей ванне». «Я катался в коляске со своей женой», «Я обрезал свою ногу»...

Еще бы он чужие ноги обрезал! Ясное дело, по Марго или по Оллендорфу учился:

«Фермеры выедали завтрак». «Мама не падает духом. Она удивительно берет на себя». «Мне очень не достает утреннее гуляние».

Все это не случайные ошибки, а систематические. Если уж раз сказано «Ездили в Евгений Онегин», то эта форма будет соблюдена свято: «Поехали в Мефистофеля». «Ездили в Венецианского купца». «Поехали в Спящую Красавицу».

Вообще говоря, в спящих красавиц лучше бы не заезжать. Но что поделаешь, если не только чутья, но и простого знания языка и в помине нет.

«Подъезжая к Ровно, началась оттепель». Но ведь к Ровно то подъезжала не оттепель, а Николай II, самодержец всероссийский. Зачем же грамматику то обижать?

«Вполне наслаждаюсь ити на чудной яте». Это «наслаждаюсь ити» — имеет все права быть поставленным рядом со знаменитыми одесскими: «Я его видел курить», «Мы его слышали петь», и т. п.

Что уж говорить об отсутствии чутья к языку, если визита профессора Леера оказывается достаточно для записи в «Дневнике»: «Утром имел Леера».

Если Плеве убили бомбой, то Николай, расстроенный потерей «доброего друга и незаменимого министра», поспешит в «Дневнике» сказать об этом убийстве: «Мерзкий случай».

Если Николай II ушибет ногу...

дневнике запишет, что по этому поводу «он скорбел»

Это крайнее незнание русского языка

связано у Николая с поразительной грубостью стиля:

«После обеда поехали с визитом к принцессе Кобургской». «Все семейство влезло с подарками». «Вся публика перла в сад». «Завалились спать рано». «Моя невеста — душка». «Все семейство на радостях долго лизалось».

Вполне в уровень с этой грубостью стиля оказываются «радости жизни», о которых рассказывает «Дневник». Политики, общественности, каких-нибудь отвлеченных интересов — здесь и признаков нет. Только о себе, только о своей жизни рассказывает Николай II в этих записях, какие старательно, без пропусков, ведет он изо дня в день целые десятилетия.

«Вчера выпили 125 бутылок шампанского». «Пили дружно». «Текали на лужайке и пили». «Чувствовал себя осовевшим». «Пили хорошо». «Я был отнесен офицером». «Вчера пробовал шесть сортов портвейна и слегка надрызгался». «Порядочно наливались и изрядно повеселились».

О весельи говорится в «Дневнике» часто и много. Но какие странные способы веселиться выбирает этот человек:

«Ездил на велосипеде и убил ворону». «Гулял и убил ворону». «День чудный: убил двух ворон».

Это убийство ворон записывается в дневнике целые годы. Отдыхаешь, когда встречаешь более нормальные записи: «Играли в рулетку. Я выиграл 12 рублей». «Играли по рублю в миллиард» и т. п.

Но и здесь Его Величество умудряется играть своеобразно. «Играл с маркером яхт-клуба на биллиарде».

«С маркером играть, — это уже

2-го марта 1917 г.

Музей Революции.

2-е марта 1917 г. В вагоне на ст. «ДНО» Царскосельской ж. д. Отречение Николая II-го.

Дневник неизвестного художника, присутствовавшего при отречении.

Во дни царя

Редкий снимок.

Ст. Голутвино, Казанской жел. дор. Жертвы деятельности Семеновского полка, с полковн. Риманом во главе.

«... последнее дело» —
... герой * в
... писках марке-
... Л. Н. Тол-
... го.
... Помимо личного
... вника, другие
... ериалы и до-
... генты давно
... овергли леген-
... о том, что Ни-
... ай, будто-бы,
... чего не знал,
... от него «скры-
... и» положение
... ей, и обманно
... ствовали его
... нем. Он знал,
... все знал и за-
... ливо старался
... , чтобы все
... по старому,
... налаженному и
... ательно ниче-
... е хотел менять.
... князь Вязем-
... й в личной ау-
... нции возму-
... но рассказыва-
... арю о произве-
... ном по прика-
... ен. Клейгельса
... нении студен-
... на Казанской
... щади, свидете-
... которого он,
... вь Вяземский,
... Результаты
... каза вполне
... еделенные: Вл-
... ский оказы-
... ся в опале,
... йгельс полу-
... повышение.
... князь Львов в
... ывает царю на
... ряд безза-
... й, совершае-

... министром фон-Плеве. Князя Львова
... няют в отставку, фон-Плеве дают
... ий орден.
... министр Ванновский, перед уходом в от-
... ку, пытается передать Николаю свое
... тическое завещание», убеждает его
... необходимости «доверия к обществен-
... », в неизбежности политики «сер-
... ого попечения». Николай II хмуро
... рит на часы. «У меня нет времени, —
... рит он, — дядя Дмитрий Константи-
... ч обещал мне показать сегодня двух
... бцов. Я тороплюсь». Старик Ван-
... кий разрыдался, как ребенок, выйдя
... е этого разговора из царского каби-

... неизбежен. Во время петергофских со-
... венчаний о государственной думе, А. А. На-
... рышкин громко чнул, что неграмотные му-
... жики гораздо лучше и полезнее, чем гра-
... мотные, и... Николай сразу же поспешил
... присоединиться к этой точке зрения и зая-
... вил дословно: «я согласен с тем, что такие
... крестьяне (неграмотные), с цельным ми-
... ровозрением, внесут в дело более здравого
... смысла и жизненной опытности».

Такою же позицию занимает Николай
... и в иностранных делах. В недавно опубли-

... кованных воспоминаниях б. военного ми-
... нистра А. Н. Куропаткина, читаем: «У на-
... шего Государя грандиозные в голове пла-
... ны: взять России Манджурию, идти к при-
... соединению к России Кореи, он хочет
... взять Персию, захватить не только Бос-
... фор, но и Ларданеллы. Мечтает под свою
... державу взять и Тибет».

Во внешних делах, как и во внутренних
... он совершенно ясно знает, чего он хочет.
... Не даром же, при приеме депутации от
... черной сотни, преподнесшей царю и на-

Во дни царя

С картины.

... примеров такого рода хватило бы на
... ю книгу. Когда герой бойни на Ка-
... кой площади, генерал Клейгельс, слиш-
... куж крупно проворовался, и это выз-
... скандал. — Николай решает в уте-
... е назначить верного Клейгельса своим
... ал-адъютантом. Против этой демон-
... стии восстал даже совет министров.
... когда Николаю указали, что такой жест
... вызовет всеобщее негодование, он
... ает: «мне совершенно все равно, кто
... оворит. Я знаю, что делаю».

... дный молодой человек окончательно
... поправимо запутался в «заветах не-
... нного родителя», в уверениях, что
... «помазанник божий», не может оши-
... я, ибо его мысли и слова подсказаны
... амим богом.
... и народ ропщет, то виноваты в этом
... только революционеры. Нужно уси-
... меры строгости, а значит усилить
... меры охраны.
... вот и жили!
... что делал Николай II-ой, он делал
... сознательно.
... никогда ни в каком случае не согла-
... на представительный образ правле-
... ибо я его считаю вредным для верен-
... ие богом народа» — дословно заявляет
... тте.
... вот волна «беспорядков», прокатив-
... по всей России, заставила сосредото-
... читься добрее, а ослеп Гос. Думу

Во дни царя

Музей
Революции.

Арест депутата Колюбакина. Полицейский пристав замешивается на вооружившихся фотоаппаратами журналистов.

следнику знаки Союза Русского Народа, Николай дословно заявил: «Да будет же мне Союз Русского Народа надежной опорой, служба для всех и во всем примером законности и порядка. Верю, что скоро сомнения исчезнут, что солнце правды скоро воссияет над землей русской».

Какие ни на есть, но ведь были же, чорт возьми, мысли у этого человека. Отчего же, отчего так изумительно убог, так потрясающе бесцветен его интимный дневник?

Пред нами—обреченный. Все эти сообщения: «убил ворснчу», «порядочно наливались», «играл с маркером на бильярде», «изрядно надрыгался»—это история болезни заведомо безнадежного, давным давно обреченного человека.

В «Дневнике» своем Николай не пропускает случая указать, когда именно, и в какой степени он вспотел. Записи—«Потел», «Сильное потение» и т. п.—заносятся в дневник со всей серьезностью.

Не следует думать, что здесь сказывается самовлюбленность, этакое лихачество, в каком винил Николай после Цусимы князь Львов:

«Я ожидал увидеть Государя убитым горем, страдающего за родину и за свой народ, а вместо этого ко мне вышел какой-то веселый, разбитной малый в малиновой

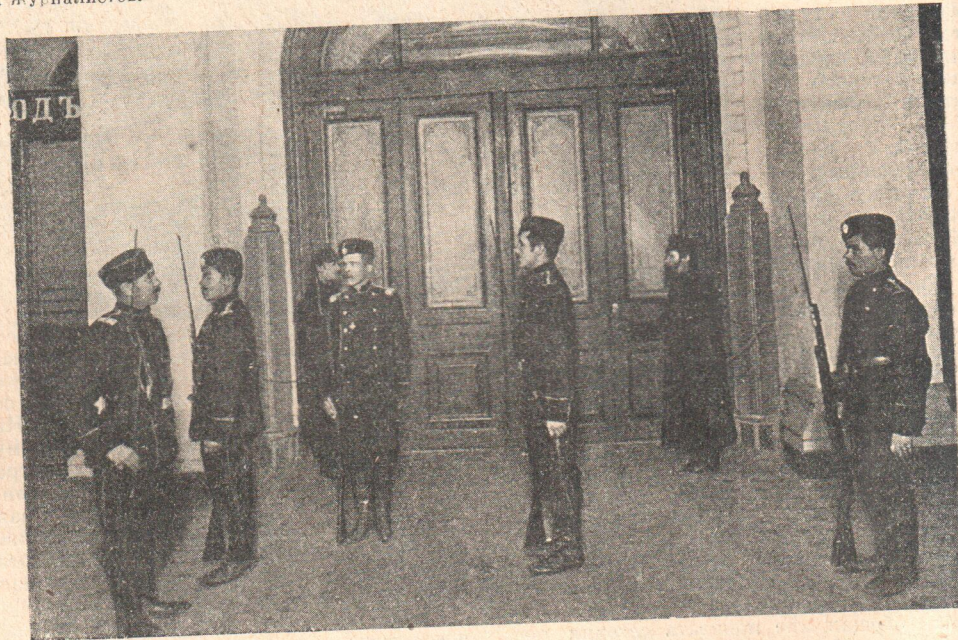
рубашке и широких шароварах, подпоясанный шнурком».

Нет, это вовсе не «веселый и разбитной малый». Это обреченный.

Жуткая фигура неудачника глядит на нас во весь рост из каждой строки этих интимных дневников. Что уж вспоминать о Ходынке и т. п. общеизвестных признаках его неудачничества. Ведь вот, приехал человек в гости к любимой своей невесте, «душке-Алисе», и вот уже в «Дневнике» читаем: «Вместо спокойного чтения газеты, по несчастной случайности я оказался запертым в известном месте, откуда никакими способами сам не мог высвободиться в течение более получаса. Я долго и много кричал. Алисе удалось, наконец, открыть двери снаружи».

До чего жуткую фигуру неудачника являет этот последний представитель семьи Романовых.

Жуткая это была семья. Был в ней сыноубийца—Петр 1-й, и мужеубийца—Екатерина II-ая, был и самоубийца—Николай 1-й, и отцеубийца—Александр I-й. Кого только не было! А потом, в порядке вырождения, докатилось дело до неудачника Николая II-го, который, даже явившись в гости к невесте, в известном месте застревал, и такими именно описа-

Забастовка в царские дни. Охрана петербургского почтамта в дни всеобщей забастовки 1905 года. (Место почтовых служащих занимали добровольцы из великодушного общества. Их деятельность пришлось прервать в виду нехватки денежных сумм в отделе переводов).

ниями заполнял многотомные свои дневники, рядом с детальными описаниями, как, именно, он вспотел, и как надрыгался, как на бильярде с маркером играл и как систематически ворон уби вал.

— Это предел. Это тупик. И, суетишься и ныне за границей, Кирил Владимирович и Николай Николаевич напрасно беспокоятся. Дальше идти некуда.

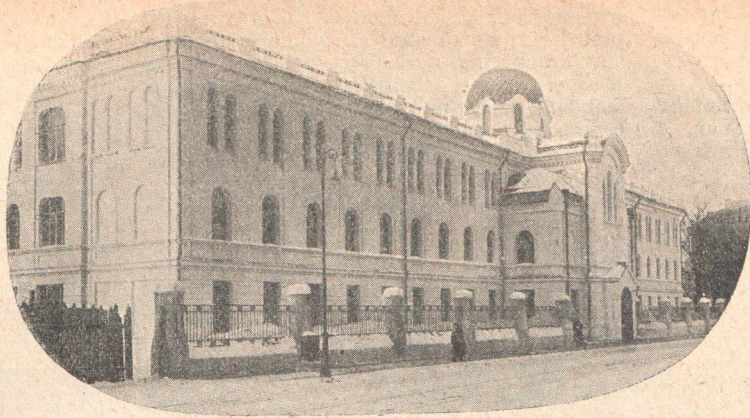
Тема исчерпана до конца.

Даже семь лет тому назад, в февральско-мартовские дни была ненависть к А. Протопопову, к «Ваньке-Кайну», Щегловитову, к городовым, к жандармам, охранникам. По отношению к Николаю II-го злости и ненависти уже и тогда не было. Было худшее: равнодушие. Уже и тогда о нем почти не вспоминали, он оказался кому не нужен, о нем забыли.

Ненависть, как бурное чувство, моя ость. Она временна. Равнодушие—поправимо. Оно безнадежно. Оно навсегда.

И поэтому годовщину февральско-мартовских дней нельзя называть годовщиной революции. Это не было даже свержение Николая II-го. Ибо его вовсе не свергли. Его отставили, уволили, рассчитали, ввалили вон за неспособность, за злость, за тупость, за неудачничество.

Революция,—это пришло позже.

Дом отдыха имени «Ильича» в Москве, на Шаболовке, 14.

СТАРИКИ

Очерк Александра Терского. Снимки Отто Шмидта.

1.
Мела мятель. Завывала вьюга, забивала глаза, заносила дома.

чатлениями. Кто-то вспоминает о прежних
славных днях:
— Помните?..

— Да, еще бы!.. Ах, какой это был жуткий момент!.. А каким молодцом держался Петя Семенов!..

В доме отдыха им. «Ильича». На нашем снимке изображена комната Л. Г. Дейча, диктующего машинистке свои воспоминания. Л. Г. очень много занимается литературным трудом.

Возбужденные голоса, горящие глаза.
— А помните, когда Ильич...

И вдруг потухает огонь в глазах, грустные складки ложатся на лица и головы траурно склоняются вниз.

Здесь потери старых соратников переживаются особенно тяжело. Здесь Ленин—не просто Ленин, а товарищ по прошлой боевой, опасной и героической борьбе, с которым связано столько дорогих страничек из книги и пройденного жизненного пути. На этом пути — много могил. Много раз траурно склонялись поседевшие теперь головы и на лица ложилась горестная складка.

— Еще один... Встанем, товарищи...

В задумчивой тишине только тикают часы.

— Раз-два, раз-два...

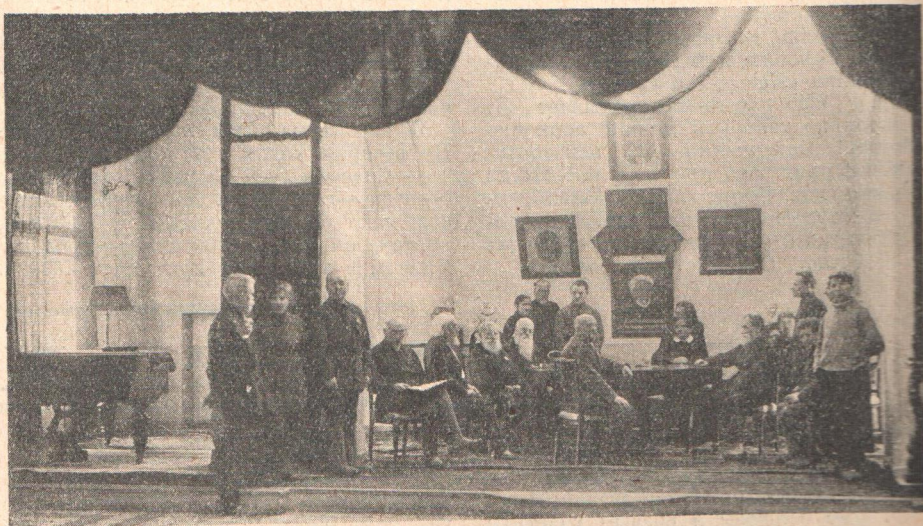
В маленьком бревенчатом доме, на пустынной промерзлой равнине Якутии, у дымящей печи группа молодых людей возбужденно обсуждала положение дел в центре России. Задумчиво опускали головы, снова возбужденно спорили и всей душой рвались туда, в центр, для борьбы, для трудной и опасной работы.

Бежали, попадались. Вновь оказывались, в жалобно стонущем во время вьюги, в домике у дымящей печи под более строгим надзором. Погибали одни—их дело брали на себя другие.

Вся жизнь—борьба, горение. Вся жизнь—страдание за ближнего своего. Весь пройденный путь—это длинная цепь великих достижений, полных кровью и потом.

Сейчас вот так же мятет мятель, шумит вьюга. В большом доме на Шаболовке 14, в уютной, теплой читальне сидит группа. Это те же люди, из того же бревенчатого домика лютых Якутии и Нарыма. Только внешний вид их не тот. Их головы, бороды, усы—белы, как снег Нарыма и отливают чистейшим серебром.

Они так же сидят, думают, возбужденно обсуждают события, обмениваются впе-

В гостиной дома отдыха. Группа ветеранов революции слушает приветствие делегата одной из Ленинградских воинских частей—буденовца Байрачного. Стоят (слева направо): т. т. Шейтлах, Леонова-Шейтлах, Шелапин, Точиская, Кулешов-Коронин, Байрачный (докладчик), Новиков, Глезер и Цемах. Сидят (слева направо): т. т. Добрушин, Горин-Галкин, Белононь, Чернявский, Александрова, Чуриков, Тейлнер, Фроленко (обок у стола) и Ризтерман. Впереди стола—Розе-Розенталь, ныне завсудующий домом отдыха.

И поэтому у старых ветеранов революции на Шаболовке 14 смерть Ленина оставила очень глубокий след. Там только теперь оправдился от удара и приступают к очередной работе.

Старики Немногие дожившие до наших великих дней. Они теперь отдыхают, с удовлетворением вида, что их жертвы не пропали даром.

2.

Большой дом на Шаболовке 14 был подарен в свое время купцом Поповым городу под богадельню для престарелых артистов и художников. После там находили себе приют престарелые дворяне.

Ныне в нем живут бывшие политкаторжане, ветераны революции. Ныне это — дом отдыха имени Ильича. Здесь — 63 бывших политкаторжан-коммунистов, старых народовольцев, чернопередельцев. Дейч, Фроленко, главная организаторша Южно-Русского Союза Ковальская, 72-летний металлист Белокопъ, старый революционер-шлессельбуржец Ашенбреннер, 82-летний юбилей которого недавно праздновался политкаторжанами. Если сложить годы троих из них — Ашенбреннера, Дейча, Фроленко — то получится цифра, близкая к 250. И каждый из них по 20—30 лет просидел в тюрьмах, крепостях, в отдаленных местах Сибири.

Но на Шаболовке — не богадельня, не приют для престарелых, а именно Дом Отдыха, где поместилась дружная, цельная семья. Здесь царят добрые товарищеские отношения и даже персонал Дома — это тоже члены семьи, а, например, доктор Розе — сам старый революционный деятель — и принимает горячее участие во всей работе бывших политкаторжан.

Только больные и слабые здесь не работают. Остальные заняты — каждый своим делом в отдельности, и все вместе — общими делами. О работе говорят с увлечением.

— Работают почти все, — говорит тов. Рейзен, — большинство занимается литературной работой, пишут воспоминания. Дейч, Ашенбреннер, Аптектан, Горин-Галкин, Ковальская. Темы — «Общество, Земля и Воля», «Южно-Русский Союз», Плеханов. Головин состоит членом редакции сборника «Каторга и Ссылка».

— Да, еще бы! — подхватывает Л. Дейч, — только теперь и можно спокойно поработать! Вот жалко, что некоторым товарищам пришлось прервать работы из-за болезни глаз. Болят глаза у Ашенбреннера, слепнет Чернавский. Скворцов совсем ослеп, но к нему ежедневно приходит чтица и читает. Сдают старые глаза...

Политкаторжане состоят шефами Дома Юношества, имеют тесную связь с пионерами, с трамвайными служащими, с союзом строительных рабочих. Сейчас берут в свое ведение огромный дом для беспризорных. Здесь же на Шаболовке, по соседству. Всех подшефных они приглашают на свои доклады и вечера к себе в дом. Посещают своих подшефных. Читают лекции и доклады в университетах, куда их приглашают.

Часть политкаторжан работает в заводских ячейках. Так, старый металлист Белокопъ энергично работает в заводской ячейке завода «Изолятор». Состоит почет-

В библиотеке Дома отдыха. Справа — Л. Фроленко.

ным членом полка, связанного с этим заводом, почетным членом комсомола. Недавно по просьбе ячейки «Изолятора» он ездил в Иваново-Вознесенск для участия в рабочих собраниях, сейчас его зовут в Ленинград, где он также состоит почетным членом ячейки бывшего Обуховского завода.

Прямо поражаешься энергии семидесятидвухлетнего комсомольца.

Режим в Доме установлен самими политкаторжанами. В 9 часов утра — раздается звонок. Это — сигнал вставать. В 9 с половиной — завтрак и чай. В 2 часа — обед, в 6 — ужин и в 11 — все должны расходиться по своим комнатам. От 3 до 5 часов дня — «мертвый час», час отдыха, когда во всем доме должна соблюдаться мертвая тишина. Если кто не хочет уходить к себе — собираются в читальне, плотно закрыв дверь, читают, разговаривают вполголоса.

В свободные часы играют в шахматы. По вечерам ходят в театр.

— Спасибо всем, о нас трогательно заботятся, — говорит Л. Дейч. — Книгами нас снабжают все издательства. В нашей библиотеке сейчас до 2000 экземпляров книг. Билеты в театр нам присылает Общество

Старых Большевиков. Вот сегодня как раз я иду в Большой театр — там идет «Князь Игорь». Откровенно говоря, я никогда не слышал этой оперы, и вот теперь захотелось послушать...

3.

На дворе мятет мятель, стонет ветер. А в уютной читальне сидит группа политкаторжан и делится воспоминаниями.

— Вот так же когда-то в далекой Сибири стояла вьюга. Только там была злая вьюга, сибирская, а здесь добродушная, московская...

Старик Фроленко читает свои длинные воспоминания. То у одного, то у другого слушателя загораются глаза, когда автор доходит до знакомого всем места.

Фроленко рассказывает о своей жизни в Алексеевском равелине, Шлессельбургской крепости, о том, как он освобождался из Киевской тюрьмы Дейча, из Одесской — дважды — Алешу Поповича.

Для освобождения Дейча пришлось поступить в тюрьму сторожем и долго служить, чтобы дослужиться до высокого положения ключника. Только воспоминания об освобождении Дейча занимают три вечера.

Для освобождения Алешу Поповича пришлось вести долгую и тщательную подготовку. Нужно было точно высчитать, сколько времени потребуется для того, чтобы донести

от тюрьмы до конспиративной квартиры, пришлось перепробовать много лошадей, чтобы, наконец, найти подходящую. В назначенный день и час Алеша Попович сам перелез через забор, вскопчил на приготовленную для него телегу и помчался к базару. Тревога, целые ряды стражников, но Алеша Попович скрывается в суете ярмарки и когда передает владельцу лошади и телеги, французу, его собственность, тот с ужасом обнаруживает забытые Поповичем на телеге две бомбы. Попович не теряется, жестами объясняет французу, что на телеге лежат лишь простые гири для упражнений, успокаивает его и исчезает.

Вспоминают о Нарыме, Минусинске, пересыльных тюрьмах, и каждое место воспоминаний вызывает то нервную гримасу, то улыбку, то громкий веселый смех.

Старики переносятся в далекое и славное прошлое.

Их воспоминания — прекрасная теоретическая школа революционной работы для тех юношей, беспризорных, шефами которых они являются.

Александр Терской.

СТАРУХА

Рассказ Ан. Чарова.

Как песчинка малая, пять диких лет, с другими вместе, крутился Федор Рокачук по всем фронтам и боевым участкам царским. Домой катил — окончилась война! — с удобствами, по литере воинскому, на крыше штабного. — Не вместили вагон всех литературных, как не бились! Верст пятьсот — а стужа январская — в шинелишке рваной на крыше промаячил — боль-

шевик отчаянный! А с виду — кто б подумал? — дохлая одна. Как кот в голодный год, заморенный. Через шинеличку ребра выпячивает. Глаза, как проруби крещенские, чернеют, к затылку прислонились. Шинель на нем солдатская, словно на пошмишине в святые вечера наняли. Ну, никакого вида воинского!

В уезд приехал, в комитет большевистский

забрался. А там и без него надыхано — топор вешай!

Гостем желанным в комитете Рокачук. Как встретили — оседлали.

— Будешь у нас по учености своей дела социальные обмозговывать! Политику с тактикой разводить!..

Верховодил Федор. Власть рабочую — в городе, бедняцкую — в деревне насаждал.

Была власть новая, советская, как деревце малое, только посаженное. Ухода требовало и наблюдения неослабного. Чтоб свиньи треклятые, до молодых посадок охочие, не вырыли тупыми пятаками посадки новой.

Интеллигенция уездная и учителя, постаринке знакомые, встретятся урезонивали:

— И не хорошим же вы делом Федор Кузьмич занялись!.. Как это можно? Человек интеллигентный и с этим обродом!.. Ах, простите! Надеюсь, это между нами!..

Тряслись—не было бы последствий. Такие времена—слово лишнее—голову снимут, моргнуть не позволяют!

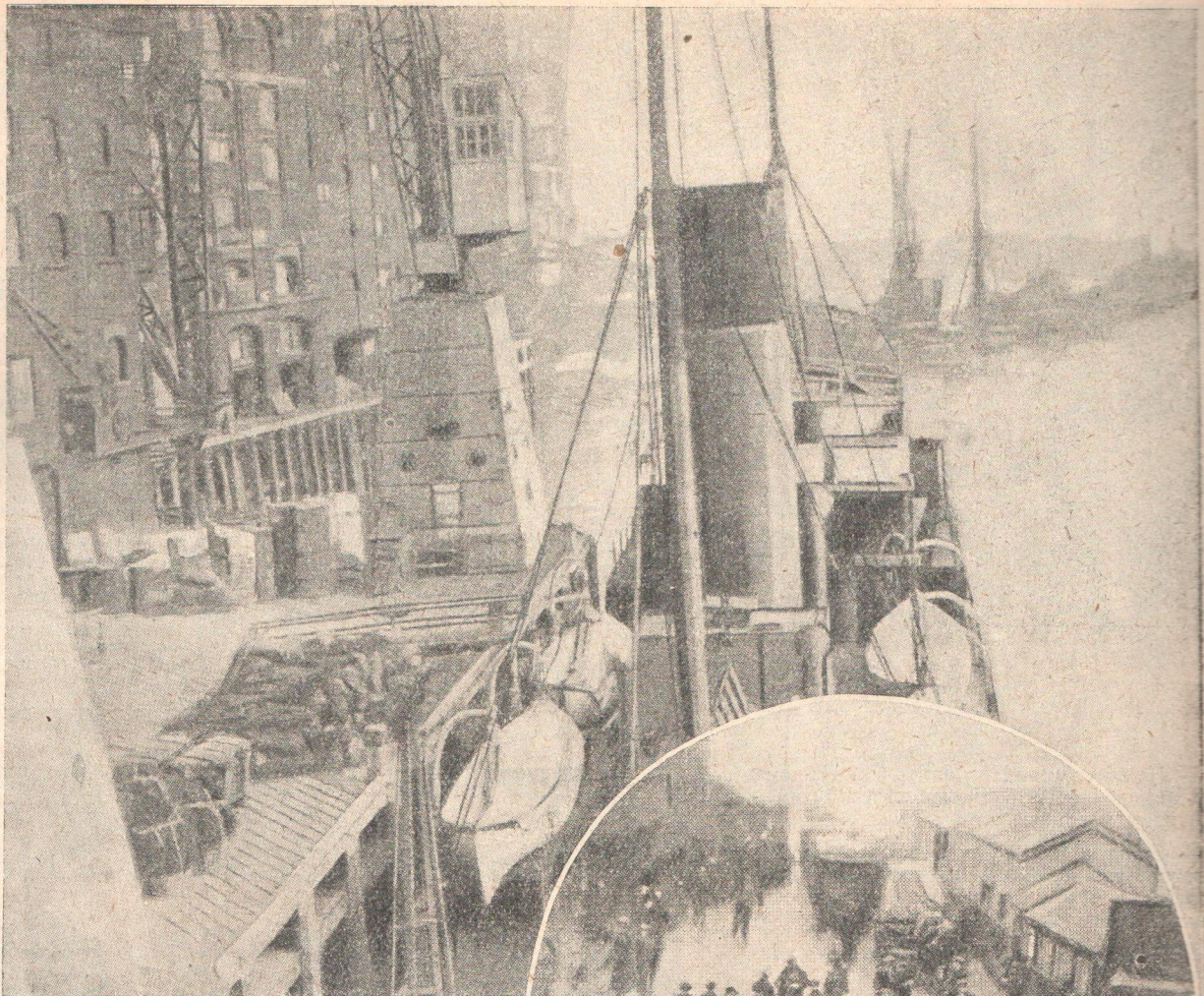
Ночи напролет сидят в комитете мужики-серяки, солдаты-фронтвики, посиживают, по пунктам повестку дня—ночами то! — мозгут.

Прискучит, или что—песняка дерут. Новую песню, в уезде неслыханную, горлапанят. Начали, как приехал Федор—обучил он их.

Мы на горе всем буржуям,
Мировой пожар раздуем.
Мировой пожар в крови
Уюмпарт благо-
слови!

Сидели—висидели. Ревком вывели. В нем Федор Рокачук рука первая. Как сед—уселся накрепко,—спихни, попрыбай!

Ревкомы кончились, комбеды воспарствовали. На мушку богатеи! Бебехи трясут копыленые веками—пере-

Обезлюдевший лондонский порт. Застывшие суда и баржи.

Бастующие докеры ищут места своих работ.

Первые дни правления Макдональда были омрачены градиозной, давно готовившейся стачкой портовых рабочих. После почти двухлетних переговоров, заседаний пенных камер труда и примирительных комиссий, два миллиона грузчиков, носильщиков, кочегаров, машинистов решили положить конец этой предпринимательской дипломатии. В одно утро все пристани Лондона, а затем и Ливерпуля, Кардиффа, Суутгэмптона—всех крупных портов Англии— сразу обезлюдели, на палубах больших и малых судов не осталось ни одного человека, кроме экипажа.

Это положение продолжалось несколько недель. Океанские гиганты стояли под парами, ожидая нагрузки, вновь прибывавшие не разгрузались, цены на все товары непомерно росли, недоступный английский фунт на всех европейских биржах обнаружил тенденцию к понижению.

Англичан охватила паника. Англичанин не ста-

нет особенно беспокоиться, если останутся все железные дороги или электрические станции Великобритании. Но если дело идет о морях, о связи островного королевства с внешним миром, о мировой английской торговле—англичанин задрет за живое, придрет значение каждой мелочи, живет под знаком той или иной забастовки, краха, крушения.

И Макдональду стоило много труда и чужов уговорить подымавшиеся удюлонанье врагов: «рабочее правительство способствует разрушению мореплавания, не может сговориться с рабочими же, подрывает внешнюю мощь Британии!» Погрозившись более месяца, чтобы найти какое-нибудь примиряющее решение, добиться от предпринимателей и «уговаривая» докеров, почти забыть, что правительство вывинуто рабочей партией.

Забастовка кончилась. Она явилась врозь после признания СССР—подвожкам камнем набилета Макдональда. Поколебав до известной степени доверие рабочих к «рабочему правительству» она одновременно обнаружила бессилие парламентской системы—разрешать сколько нибудь крупные внутренние конфликты.

Переговоры СССР с Румынией

Н. Н. Крестинский.

В ближайшие дни в Вене возобновляются переговоры СССР с Румынией. Переговоры являются до известной степени продолжением недавней одесской, прерванной по вине румынского правительства, конференции. Делегации СССР придан особо авторитетный и полномочный характер, председателем ее назначен полпред СССР в Берлине Н. Н. Крестинский, членами—полпред в Вене—Левинский, бывший замнаркомут—И. Себряков и полпред СССР в Литве—Доренц.

трихивают, пыль столетняя—добро наследственное—глаза порохит!

Продразверстка следом, как зима по первой пороше. Плакали кулацкие закрома и сусеки. Под метелочку чистили хлеб—в город голодающим, в армию красную—накормить надо их? Федор—начальник продотрядов всех. По всему уезду имячко облетело. Шепотком одни—не наши! Громким криком—приказом—наши это!

— Товарищ Федор Рокачук, начпродотрядов, приказывал нашего!

2.

В селе родном ни оттепель, ни заморозки. Послал Федор продотряд.

— Ни пальцем бедноту,—кулачье—в переплет!

Кулаки, как налим, за жабры не взять!..

— Нельзя добром, мы строгостью!.. Кулаков на селе,—чертей в болоте меньше. Собрали с сотни по шепотке—залогом будут.

— Хлеб повезут,—сказали,—вам освобождение!..

Сидят кулаки в холодной, молитву о ниспослании избавления возносят. У холодной стражем тюремным Косоротов Паша. Вместо ноги—яблока, а в голове—доктора интересовались—не голова, шарманка спорченная. Караулит, а сам спрашивает:

Часовые проверяют пропуска у здания суда.

На этих днях начался процесс Людендорфа и Гитлера. В государственной измене обвиняется один из создателей и одновременно — виновник в разгоне старой германской армии. Вместе с политическим авантюристом Адольфом Гитлером предстает он перед баварским судом, внутренне к нему расположенным.

Генерал Людендорф, имея под своей командой не более сотни человек, тогда провозгласил себя военным министром всей Германии. В своих прокламациях вновь образовавшееся «правительство» объявляло о начале нового крестового похода, собиралось «спасать Берлин», дабы водрузить там императорское знамя.

Вряд ли мюнхенское, а может быть и часть обще-германского правительства, возразили бы против такой перспективы. Но момент был выбран неудачно. Французы только что заняли Рур, генералы господина Пуанкаре попирали своими сапогами самое сердце Германии. Ни о каком сопротивлении германского рейхсвера не могло быть речи. Людендорф, Гитлер и все остальные рисковали только вызвать новые насилие союзников. Беспомощность германской военщины выразилась даже в немедленной измене баварского главнокомандующего Лосова, вначале преданного Людендорфу, но отказавшегося портить свою карьеру и оставившего бывшего вождя в самый момент опереточного переворота.

Вряд ли коронные судьи Баварии захотят особенно сурово покарать Людендорфа и Гитлера. Но быть за-одно с ними германскому правительству пока неудобно. Антанта до сих пор судорожно боится всякого призрака бывшего, даже императорского, величия. Поэтому мюнхенских черносотенцев и авантюристов постигнет формальное, но, по видимому, легкое наказание.

Г — Не отсырело? Протопить бы? Из дому тут жареное-вареное нанесли! Самогоночкой запить наказывали!

— Славны дела твои господи! — умиляются заложники, — на хлеб, на квас сажали, а тут и самогоночка! А крепость какая — первячек!

Дербулызнут самогоночки — драку учият — не уймет косоногий Тишка.

Клепалов — лавочник бакалейный — борода рыжая — торговца товаром красным изводил.

— Эх, ты! Торговал кирпичем, остался не при чем. Расторговал? Из чьего товару флаги красные понаделали!..

— А в чьем доме штаб красный, — огрызнулся краснорядец. — Выстроила ворона хоромы! Ко мне бы гости не наехали такие... Что-б этим гостям!..

Г Индюками, криком озорным встревоженными, сопели. Тишке наказывали:

— Отцу Андрею передай — молился-б об избавлении из плена египетского!

Соглашение Италии с Юго-Славией.

Смотр черных сил — национальная фашистская конференция, где Муссолини (направо сверху) делал доклад о договоре Италии с Юго-Славией.

А. С. Серафимович о себе

(Автобиография.)

Родился 7 января (старого стиля) 1863 г. в Донской области в станице Нижне-Курмырской.

Отец и мать — донские казаки. После смерти отца, (мне было 12 лет) семью схватила непроходимая бедность. Мать билась с четырьмя детьми, схватила чахотку, заразила меня и второго брата (умер), но сумела дать образование. Со 2-го класса гимназии зарабатывал уроками.

В 1883 г. поступил в Петербургский университет на физ.-математический факультет (беднейшим студентам выдавалась войсковая стипендия).

На 4 курсе в 1887 г. был арестован (написал воззвание к населению с разъяснением смысла покушения на Александра III), сидел в «предварилке» и был административно выслан в Мезень, Архангельской губ. Здесь написал первую художествен-

ную вещь из жизни трудового, жестоко эксплуатируемого кулаками, крестьянства Севера «На льдине» (Русск. Введом. 1888г.) и еще — из жизни плотовщиков Севера — «На плоток» («Русские Введом. 1888 г. и из жизни самоедов.

Из ссылки меня послали под надзором полиции на родину в Донскую область. Через два года мне разрешили переехать в Новочеркасск (областной центр). Здесь стало легче, знакомился с жизнью рабочих, лазил в шахты, на металлургические заводы, в мастерские («Под землей», «Маденький шахтер», «На заводе», «Инвалид» (из жизни наборщиков), «Месть» «Прогулка» (из жизни рыбаков) и др.

С нарастанием общественно-политической волны в конце 90-х и начале девятисотых годов появились издательства, выпускавшие издания для массового читателя, и мои рассказы пошли в крестьян-

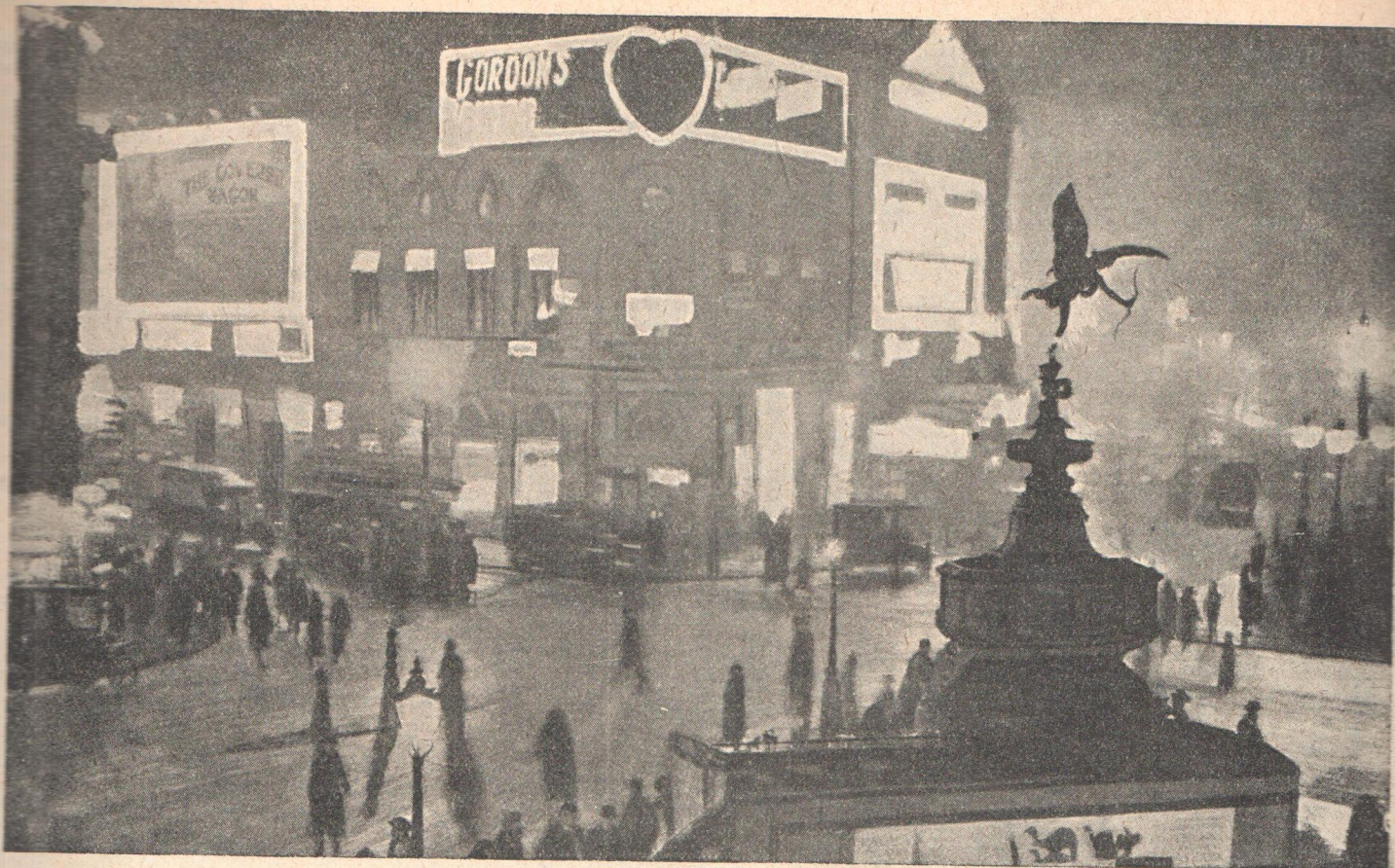
ские и рабочие массы (издания «Донской Речи», земских издательств, «Посредник», «Знание» и др.).

В 1905 г. на Дону дал ряд общественно-политических листовок («Что такое конституция» и др.) и ряд рассказов из рабочей жизни революционной борьбы («Город в степи», роман, «У обрыва», «Похоронный марш», «На Пресне», «Мертвые на улицах» и др.).

Во время империалистической войны поехал на фронт (в Галицию), откуда корреспондировал в «Русские Ведомости», но в печать попадала разве 1/10 часть всех корреспонденций. Задерживала не только цензура, но и редакция — корреспонденция, по ее словам, «кугашали дух армии».

С начала Октябрьской революции работал в советской и партийной печати. В 1917 г. за работу с «большевиками»

В центре Лондона

Угол Пиккадилли, прославленный на всех языках в популярной солдатской песенке «Типерери» и являющийся центром частых автомобильных катастроф. Снято вечером, когда благонамеренные лондонцы разезжаются по театрам и ресторанам и движение считается «утихим».

был исключен из московского литературного общества «Среда», а также из «Книгоиздательства Писателей» в Москве, а уже напечатанный в сборнике книгоиздательства «Слово» рассказ мой был вырезан.

По заданиям МКРП и Моссовета писал листовки, воззвания, брошюры и т. д.

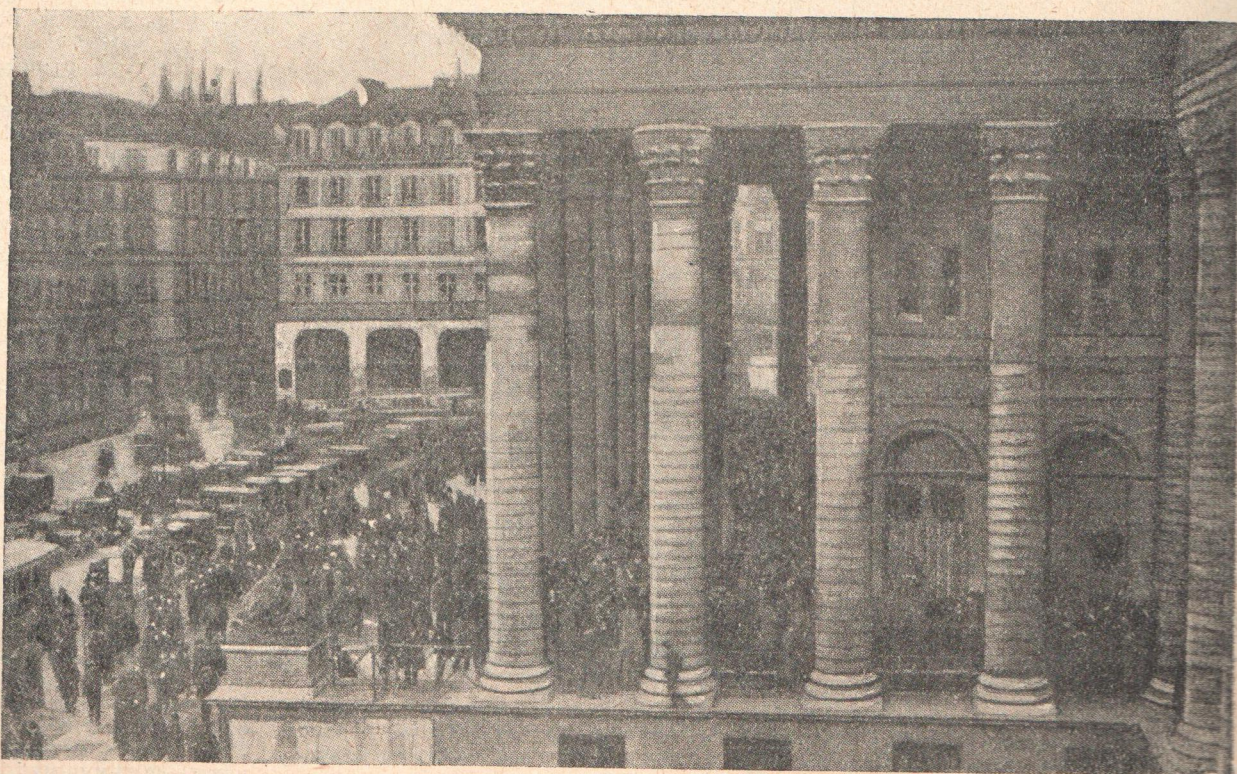
Ездил на восточный, врангелевский и польский фронты. Читал лекции и рассказы для красных воинов, звал их в бой (2-я конная армия, СКВО, Ростов, Владикавказ, Харьков).

В Москве, Иваново-Вознесенске, Смоленске читал лекции по литературе для рабочих. По поручению редакции «Правды» проводил кампанию по вовлечению рабочих от станка в пролетарскую прессу.

В РКП вступил в мае 1918 г. Членом Моссовета состою с 1923 г.

А. Серафимович.

Паника на парижской бирже

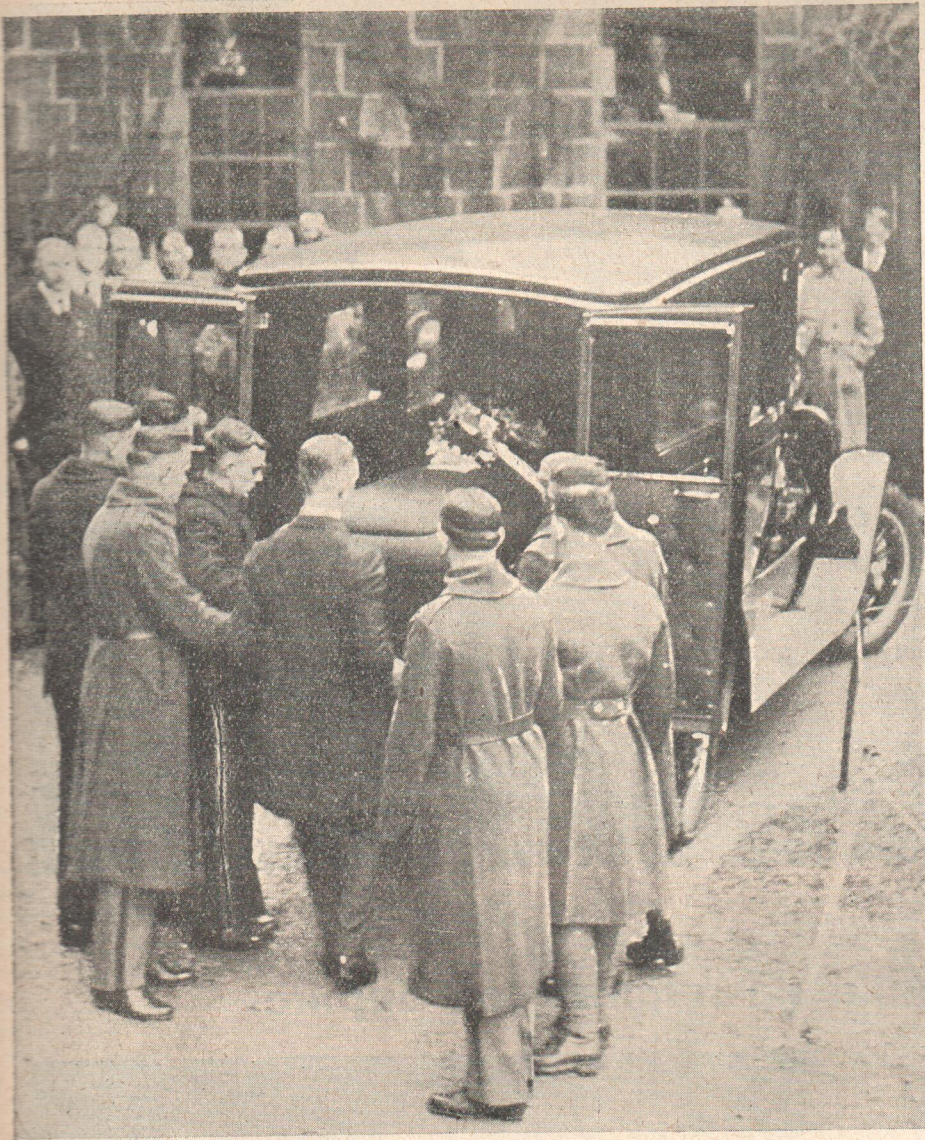
Минувшие недели сопровождались резкими колебаниями курса франка. Биржевой термометр во время учет авантюристичности французской внешней политики: в соответствии со всевозможными конференциями Малой Антанты, еженедельными «мирными» речами Паункара, крушением воздушного гиганта «Диксмюден», разрывом франко-советских торговых сношений и прочими талантливыми предприятиями, поступками и планами французского правительства медленно и неуловимо падала французская валюта. Началось, как это водится, с нейтральных, но фактически командующих на валютном рынке, бирж Копенгагена, Стокгольма, Антверпена, Амстердама; затем же было подхвачено в Лондоне, а к настроением лондонской биржи парижская уже не может оставаться безразличной.

В результате — большие и тревожные дни парижских дельцов, крахи и обогащения маклеров, повышение цен на некоторые товары, смущенные лица официальных дипломатов министерства на Quai d'Orsay, как всегда чуть реагирующих на биржевую нервность и то и дело подбрасывающих на проволочки и пьедесталы. Уже не очередная воскресная проповедь премьер-министра, а забастовка английских долеев стала флюидом, представив жадной до сенсаций биржевой публике возможность сменить повышение франка падением английского фунта. Очередь теперь за третьей и главной командующей валютой — долларом.

На сцене — парижская биржа. Там же обитает последний балластней о курсе франка.

Торопящиеся покойники

Фот. Дж. Грауденц.

Велом американского хорошего тона считаются похороны на автомобиле. Сливки американской денежной аристократии—«верхние четвергеста» обладатели самых больших богатств Нового света обзаводятся даже усовершенствованными «фамильными» автомобилями, спокойно оживающими в гаражах смерти какого-нибудь уважаемого—оставляющего крупное наследство—родственника.

На нашем снимке воспроизведен момент недавних похорон президента Вильсона. Похоронный автомобиль делает последнюю остановку, и гроб с телом Вильсона выносятся из автомобиля к могиле.

3.

Родня,—сватья, кум-кумовья, к матери Федора из всех домов со всех переулков-улиц:

— Сынок твой первородный! Христиан мукам крестным предает! Всевышний его накажет и с тобой, матери его, спросит: как сына допустила?

Застрацали старую пришествием вторым, судом страшным, кроменным адом. В испарину вогнали. Новая лишили. Почти зимние бесконечными стали.

— Не сын он мне!—клялася всем.— Перед диком вот святым клянусь!—Пусть архистратиг поможет мне!..

4.

Росила мать Федора—души не чаяла. Берегла—хотила. В люди вывести старалась.

— Учись! Будешь паньчем! Паночку высватаем,—не уставала—приговаривала. Кончил Федор школу министерскую двухклассную,—в учительскую семинарию определила.

— Трудов сколько положила я, силушки,—печаловалась,—кому крашенок десяток, кому маслица свежесбитого! Сама не доедала, сама не допивала! Праздников двенадцатых не сполняла... В селе почет ей, уважение. Старички, встретясь, шапки скидывали—выспрашивали:

— На кого у тебя он учится? На лекаря,

иль станции начальника? Приосапясь, в ответе рассылалась:

— На учителя он! На городского!..

Матери любо—и Федору любо. Год учится, а голова не та. Сам диву дается. Подменили в школе, новую светлую привитили что ли? Невеста не узнает, целует, митвет, задумается. Голову руками тоскливыми, как обручами железными сожмет—и задумается.

— Голова-ль моя головушка, умная да ученая, а не Феденьки прежнего, парня сельского. Будешь ты,—плачется,—учителем-мучителем, бросишь ты,—говорит-ласкается,—тогда меня! На что я тебе, дура деревенская, ворона сельская! Ты образованный, а я чумичка!..

— Вот и дура ты!—ругается, утешает Федор,—как любитися начали, дураком я что-ли был. Школу министерскую кончил. Похвальный лист имел!..

У бабы в голову втемяшится, не скоро выколотишь.

— Пойдем,—пристаёт,—скорее под венец!..

Не кончил семинарии, повенчались. С матерью бился, дрался.

— Паньч ты! За такого учоного, да красивого поповна всякая пойдет. Не по ранжиру жену берешь! Хабаловку безродную! Нет тебе на свадьбу эту благословения моего, материнского.

— Что хочешь мать,—женюсь!..
— Женись, женись, воли материнской рушитель! Не сын ты больше мне!..
(Из хаты прогнала. В чем был ушел. Через все село к Наталке бежал простоволосый)...

Семинарию кончил учительскую, в село свое служить определился. Учитель на селе, после попа, человек первейший, как петух в курятнике. Ото всех ему поклоны низкие, поклоны веские. А Федору—за хабарой не гнался, из своих порой бедняку отвалит—почет. Урядник с приставом косятся. Крестьяне—душу на распашку. Советом всякому бедняку поможет. Прошение ли куда—напишет. Напасть какая—что делать растолкует. Перед становым да земским шапки не ломит: себе цену знает.

— За такого человека мы миром стоим!..

Мать, глядь-поглядь, сватьев, братьев засылает:

— Не хочешь-ли сынок к матери под крылышко? Хата двенадцать на двенадцать, куда одной мне!

Наталка ни в какою.

— Что-б я!.. Что-б ты!.. да провалиться мне!.

5.

Завернул на святках в деревню Федор. Жену проведать, сына. Заочевал: в кои годи раз—как не остаться!

И без того жена наседает: на село тянет.

— Ну што-ты служишь? Пржить что ли без них не сумел бы!

— Не в этом дело,—объяснить хочет. Не слушает. Свое качает.

— Учителю всегда почет! А много они тебе дали. Шинелишку солдатскую, и та, как решето, на солнце не глянeshь, глазам больно бутет!

— Лучше завидовать не буду. Пальцами не покажут!

— Ну был бы ты мужик? Деться тебе некуда? Видюем прожить сумеем! А сыну много-ль надо?.. Всех денег на службе не переберешь! Уходи!

— Нельзя старуха!

— Другим можно, а тебе нельзя!

— Другое по другому, а мы по своему!

— Нельзя, так на комиссию иди! Какое у тебя здоровье? Большой ты!

— А духом я крепок! Такие теперь и нужны!

— С тобой не сговоришь! Известно—ученый ты! Куда нам!

Поужинали.

Наталка к соседям за дежкой—хлебы ставить собралась. Тары-бары, сухие амбары—бабье дело—затрещалась.

— Ну, Петя, мы спать с тобой,—сынишке говорит,—а мамка, как знает!

Закрыв дверь крепко. Окно заложил подушками, чтоб не продувало.

— Папка, а бандиты где-ж пролезут?—сынишка спрашивает. У печки с большим поленом он возится—в лошадки играет.

— Чего городишь?

— А я не горожу,—обиделся и лошадку бросил,—я сам слышал, как бабка мамке говорила:—отец зайвится, бандитов напущу.

— Чего городишь?

— Ей-богу, папка, сам слышал. А мамка бранилась с ней.

— Спи, спи. Завтра с петухами вставай, прощаться будем. Крепко двери? Запор тяжелый! А окна—дунуть—пробкой вылетят—тут может подкачать! Огонь задул и на кровать, под одеяло разноцветное—

Наталка из обрезков мастерила. Изба в три окна на улицу и два на двор—на ладони.

Тараканы в печурке ужинать промышляют,—шур-мур-мур... И спит, не спит, и слушает. Плачется, мчит туча черная под окнами; корова заблудилась, на избу не набредет хозяйскую? Запели девки—

через ложок на озеро тащатся полуношницы.

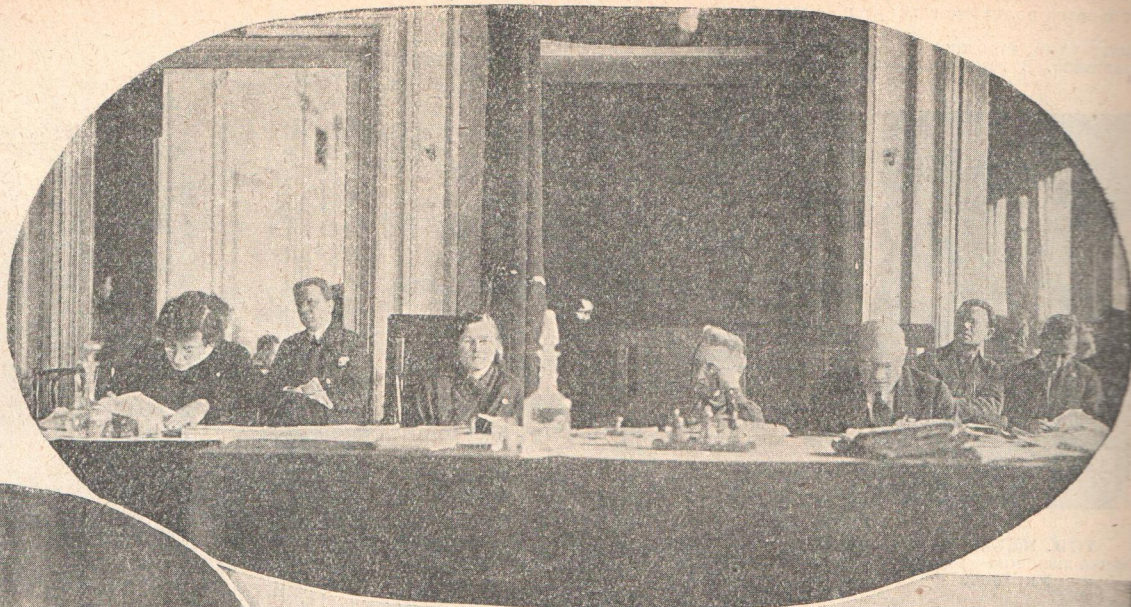
— Ох, ох не дай бог

С комиссаром знаться

Не успеешь полюбить

Надо расставаться...

— Кто там?
По стеклу, мороз веселые
узоры стекляннм бисером
расшил, рука шарит тем-
ная. На дверь сенную груз-
но налегла плечом. Крепки
петли? И засов крепок?
— Наталка, отопри! К
вам из расправы тут! За
Федором прислали!—шопотом
кричат под окном.—
Отопри!
Проснулся сын встрево-
женный.
— Нет мамки дома, —
сыншилка им.
— Ты отопри!
— Скажи, боюсь,—шеп-
чет сыншилке Федор.
— Я папка не боюсь,—
Сует отцу руку,—горячая
рука, как струна дро-

4 марта Верховный суд начал слушанием громкое дело по обвинению бывшего председателя Промбанка А. Краснощекова, брата его Я. Краснощекова и других в растрате и использовании банковских средств, дискредитировании власти и т. д. Дело А. Краснощекова, являющегося одновременно председателем Добroletки, Пролеткино, Швейного Синдиката и главою многих учреждений, вызвало большой общественный интерес.
Наверху: судебная коллегия по делу Краснощекова. В центре — председатель А. Соляк. Народные заседатели: слева т. Николаева, справа т. Правдин.
Ниже, слева: стол обвинения. Старший помощник прокурора Республики Н. В. Крыленко, поддерживающий обвинение по данному делу. Слева — второй государственный обвинитель А. Левентон.
Справа — стол защиты и скамья подсудимых. Сидят справа наперво: А. Краснощеков, Я. Краснощеков, Я. Виленский, И. Соловейчик и другие слушатели Промбанка. На первом плане — защитник Краснощекова проф. С. Б. Членов.
Внизу: общий вид зала суда во время процесса.

жит во время последнего аккорда лопнувшая.
— Скажи нарочно—скажи боюсь!
— Просишь, так скажу,—и кричит:— боюсь я!
— Не откроешь? Дом подожжем! Сгоримы!
— Мужики вам не дадут!
Догадлив сын.

Скрипит снег под окнами. Ступени скрипнули. Уходят гости. Сошлись под окнами.
— Председатель нехай сам бежит до него!—одни другим. Ушли.
— Оконце приподнять? Ужом скользнуть, да по загуменью в лес, или в ригу, в соломе зарыться!
— Папка, а ты стреляй! Бандиты бабушкины это—шепчет сын, засыпая. В углу

прижулился. Глазами окна дырявят. Когда-ж рассвет? Ночь такая длинная!
— Только не живым бы. Кожу сдерут.
— Только не живым бы!
На крыше... Хрустит железо мерзлое, коробится. Ищут окна на чердаке? Заделали давно!
Темны зимние ночи. Длинные. Смотрит Федор в окно: глазам больно...

Женщина - прокурор

От нашего полтавского корресп. «Огонька».

Заштатный городок, Лубенского округа, на Подташине. В городке первая сессия красного суда. Разбигается напумевшее разбойное дело. На скамье подсудимых группа бывших «исполкомщиков». На процессе толпы селян. Зал суда — переполнен. Первый перекрестный допрос подсудимых делает имя женщины-прокурора популярным далеко за пределы суда. На процессе потянулись из близлежащих деревень, хуторов селяне и селянки.

ТОВ. УЛЬЯНОВА.
Первая женщина-прокурор на Украине.

делать власти в селе... Суд выносит должное возмездие бандитам. Высокий авторитет революционной власти, красного права — восстановлен. Имя «женщины-прокурора» окружено ореолом славы.

ворят-советуются, — случай — слюнки глотай! И в деревне пусто. Никаких отрядов.

— А как капкан? — перекорялись. — Чтоб мать родная на сына подводила, не верю, хоть убей!..

— Бандита хуже она его считает!

— А так... так мы его!..

Кулаки, как тараканы из-за печки, выползли. Клепадов бакалейщик, заправки вроде. Крутится волчком заводным и все:

— Ухлопаем в берлоге медведя! Ухлопаем!..

— До волости бежать? — я думала. Милиционер в волости вояка — знаешь сам — из бабьего района! До комзайки — пока соберешь — обезножишь!.. Куда? К кому? Тут вспомнила, вчера на выселках отряд стоял наш конный!.. Три версты!.. Слетаю мигом! Тебе хотела вестку: — крепнись милый!..

— Товарищ Рокачук! Товарищ Рокачук! — кричат на улице. Хрустнуло колесо, ввалились — кавалерия.

— С избавлением вас дозволите проздравить. Крепко мы всех их! На ложке, как снопы на покосе!

— Может один, другой, улепетнул!..

— С избавленьем вас!
Руки потянули. Поздравили. К Наталке кинулись.
— Ну и жинка у тебя! Герой! Ночью прилетела — ребята дрыхнут, без штанов, — ей хоть бы што! Без внимания женского. Перебулгачила всех. На коней, — в чем застала — гонит!

— Качать ее ребята!

К потолку, к потолку! Юбки — плюх — плюх.

— Не убей, — кричит, — на мужа мне бы поглядеть на радостях!

— А ты сверху — он красивше!..

— Ну еще два... Ну, еще два... Столпотворение в избе. Ходит пол ходенем. И стены с потолком трясутся и потолок готов рухнуть на расходившиеся половицы. На полках посуда, чашки, миски — дрожат, бьются, в горке стаканы по праздничному звонко чокаются.

— Ма-а-мка, — Петька пискит, — а папку бандиты убили! — сморщился пичужка, кулачком глазенки трет — а тебя не было!..

— Не унывай, малец, — кавалерия утешает, — твоя мать была на посту боевом! Жив отец, гляди!

Схватили дюжие руки Петьку голенького, тепленького, — и к потолку, — и к потолку...

Петухи запели. Хорошо поют первые петухи в длинные зимние ночи. Вторые петухи их лучше. Утро близко! Дню привет, петухи поют!..

— Бу-бу-бу... бу-бу... У дома самого — другая музыка.

— Бу-бу... бу-бу... и крики:

— Кроши в капусту их!..

— Не оставляй кулачья на расплод!

В оконце.

— Федор, Федор? где ты?.. Жив!.. Жив ли Федор?

— Наталка ты!..

— Федор, да открывай!

— Дай обниму! Не чаяла! Петруся спит?.. Ты не ругайся Федор... Думаешь у Марины затарабарилась... Взяла у ней дежу, иду глядь у дома нашего куча темная. Сгрудились — перешептываются. Я притаилась зайчиком.

— Прихлопнем — го- Один и без охраны.

— Мать родная на сына

Богородск. — Новая трамвайная линия

Фот. Госкино.

Вновь открытая рабочая трамвайная линия в Богородске.

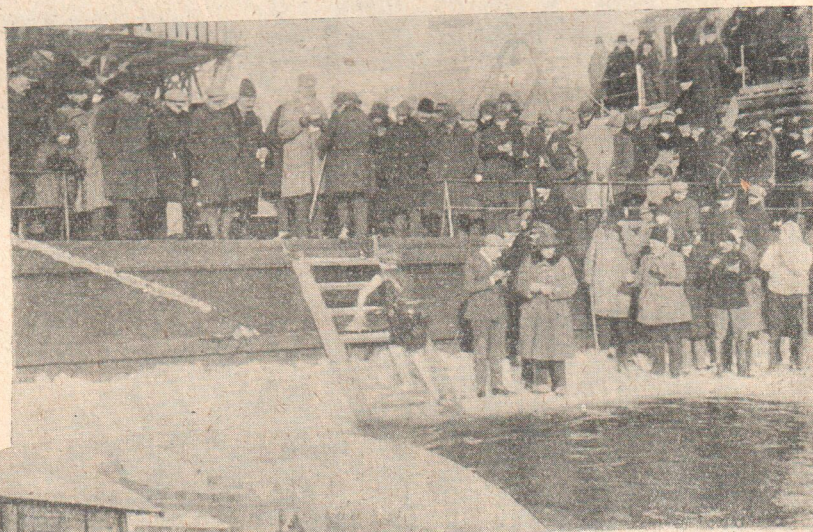
— Мать? Гляди пришла! — отшатнулась Наталка. — Она! Перед Федором стояла мать.

— Радуешься? Целехонек? Подожди! От гнева материнского и наказания божьего не уйдешь!.. Будь проклят!.. Как стояла — хлопнулась — юбки под-солнухом цветистым!..

Ан. Чаров.

Спорт в Польше

Фот. для «Огонька».

Наверху — плавание в проруби на Висле при 15-ти градусном морозе.

Ниже — Горчинская, взявшая первый приз за плавание в проруби Вислы при 5-ти градусном морозе.